Д. А. Боровков

СТАТЬИ 1014–1016 г. В «ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ» И ПОВЕСТЬ «ОБ УБИЕНИИ БОРИСОВЕ»

(текстологические наблюдения)

В «Повести временных лет» (далее – ПВЛ) в статье 1015 (6523) г. помещена повесть под заглавием «Об убиении Борисове» (в некоторых списках «О убиении Бориса и Глеба»). В самом начале изучения памятников Борисоглебского цикла в середине XIX в. возникла мысль о ее вставном характере. Большинство дореволюционных исследователей рассматривали ее как сокращение «Сказания о Борисе и Глебе» (митр. Макарий (Булгаков), И. И. Срезневский, К. Н. Бестужев-Рюмин, Е. Е. Голубинский, Н. Левитский, В. О. Ключевский)[1], атрибутировавшегося в то время монаху Иакову, составителю «Памяти и похвалы князю русскому Владимиру». Хотя вопрос об авторстве Иакова впоследствии был подвергнут сомнению, эту точку зрения на текстуальное соотношение повести и «Сказания» продолжали разделять и в XX столетии (Н. Н. Ильин, А. В. Поппэ, А. С. Хорошев)[2]. Согласно альтернативным представлениям, «Сказание о Борисе и Глебе» основывалось на повести «Об убиении Борисове» (П. Г. Бутков, А. И. Соболевский, А. А. Шахматов, С. А. Бугославский, Л. Мюллер)[3]. Поскольку эта гипотеза в настоящее время считается более обоснованной[4], мы не будем рассматривать здесь вопрос о соотношении повести «Об убиении» и «Сказания о Борисе и Глебе», сосредоточившись на внутритекстологических проблемах летописных статей 1014–1016 гг.

Несмотря на то что исследователи XIX в. отмечали вставной характер повести «Об убиении Борисове», до недавнего времени это наблюдение оставалось прочно забытым под влиянием построений А. А. Шахматова, согласно гипотезе которого повесть «Об убиении» (по терминологии исследователя – летописное сказание) появилась в «Древнейшем киевском своде 1037–1039 гг.», затем была распространена в Новгороде известиями о Ярославе Мудром, подверглась переработке в «Начальном своде 1093–1095 гг.» (реконструируемом по Новгородской I летописи младшего

[1] См.: *Макарий (Булгаков), митр.* Три памятника русской духовной литературы XI в. // Христианское чтение. СПб., 1849. Ч. II; *Срезневский И. И.* Древние жизнеописания русских князей X–XI вв. // ИОРЯС. СПб., 1853. Т. II; *Бестужев-Рюмин К. Н.* О составе русских летописей до конца XIV века. СПб., 1868. С. 9; *Голубинский Е. Е.* История русской церкви. М., 1880. Т. 1. 1-я пол. тома. С. 616, 650. Прим. 2; *Левитский Н.* Важнейшие источники для определения времени крещения Владимира и Руси и их данные // Христианское чтение. СПб., 1890. Ч. 1. С. 395–399; *Ключевский В. О.* Курс русской истории. Ч. 1. // Ключевский В.О. Сочинения в 9 томах. Т. 1. М., 1987. С. 94, 107.

[2] См.: *Ильин Н. Н.* Летописная статья 6523 года (опыт анализа). М., 1957; *Поппэ А.* О времени зарождения культа Бориса и Глеба // Russia Medievalis. München, 1973. Т. I, №1. С. 6–29; *Его же.* О зарождении культа Бориса и Глеба и посвященных им произведениях // Russia Medievalis. München, 1995. Т. VIII, №1. С. 21–68; *Хорошев А. С.* Политическая история русской канонизации (XI–XVI вв.). М., 1986. С. 22.

[3] См.: *Бутков П.* Разбор трех древних памятников русской духовной литературы // Современник. 1852. Т. 32. № 4; *Соболевский А. И.* В каком году крестился св. Владимир? // ЖМНП. Ч. 257 (май–июнь 1888). Критика и библиография. С. 400; *Его же.* «Память и похвала» св. Владимиру и «Сказание о свв. Борисе и Глебе» // Христианское чтение. СПб., 1890. Ч. 1. С. 798–803; *Шахматов А. А.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах // Шахматов А. А. История русского летописания. СПб., 2002. Т. 1. Кн. 1. С. 43–44; *Бугославский С. А.* Древнерусские литературные произведения о Борисе и Глебе // Бугославский С. А. Текстология Древней Руси. М., 2007. Т. 2. С. 221–254; *Мюллер Л.* О времени канонизации святых Бориса и Глеба // Russia Medievalis. Т. VIII, №1. С. 5–20; *Его же.* Летописный рассказ и Сказание о святых Борисе и Глебе: Их текстуальное взаимоотношение // Russia Medievalis. München, 2001. Т. X. № 1. С. 22–33.

[4] См.: *Назаренко А. В.* Борис и Глеб // Православная энциклопедия. М., 2003. Т. 6. С. 45; Святые князья-мученики Борис и Глеб / Исследование и подготовка текстов Н. И. Милютенко. СПб., 2006. С. 134–170. Особняком стоит гипотеза А. М. Ранчина, по мнению которого составитель «Сказания о Борисе и Глебе» опирался на гипотетический текст (условно называемый «Житием»), а летописную повесть «Об убиении» использовал в качестве дополнительного источника (*Ранчин А. М.* К вопросу о текстологии Борисоглебского цикла // Ранчин А. М. Вертоград златословный. Древнерусская книжность в интерпретациях, разборах, комментариях. М., 2007. С. 55–62). Б. А. Успенский также предполагает, что существовало особое «Житие» Владимира, где имелось описание мучения Бориса и Глеба (*Успенский Б. А.* Когда был канонизирован князь Владимир Святославич? // Успенский Б. А. Историко-филологические очерки. М., 2004. С. 71).

извода), а при составлении ПВЛ в начале XII в. дополнена вставками из Паримийника[5]. Позднее С. А. Бугославский высказал предположение, что первоначальный вариант летописного рассказа, возможно, предназначался для чтения в церкви[6]. По мнению П. П. Толочко, над составлением статьи 1015 г. трудилось не одно поколение летописцев, в том числе и Нестор[7].

Основания для предположения о наличии здесь двух текстологических пластов были высказаны в 1853 г. С. М. Соловьевым (который, ориентируясь на точку зрения П. Г. Буткова, обратил внимание на двукратное упоминание о вокняжении в Киеве Святополка)[8], в 1890 г. Н. Левитским[9], а в 2008 г. С. М. Михеевым (два последних исследователя независимо друг от друга ориентировались на мнение С. М. Соловьева)[10]. Н. Левитский дал этому факту следующее объяснение: «Под руками летописца были два «сказания» — одно об убиении Бориса и Глеба, другое — о войнах Ярослава со Святополком, оба начинающие рассказ с захвата Киева и великого княжения Святополком, но трактующие о разных предметах. Не имея возможности составить из этих двух сказаний одно цельное повествование, летописец стал вписывать в свой ежегодник каждое отдельно, но, закончив первый рассказ об убийстве Святополком своих трех братьев и не умея связать с ним второй рассказ, который, подобно предыдущему, начинался событиями, непосредственно следующими за смертью св. Владимира, он не мог поступить иначе, как повторив слова о вступлении Святополка на великокняжеский престол»[11].

С. М. Михеев, опираясь, с одной стороны, на наблюдение С. М. Соловьева, а с другой — на текстологические построения А. А. Шахматова, предположил, что вставками в первоначальный текст, читающийся в статьях 6522–6524 г., помимо указанной дублировки являются: 1) даты в начале каждой статьи; 2) сообщение о княжении Ярослава в Новгороде в статье 6522 (1014) г., которое, по мнению исследователя, могло быть связано с летописной статьей 6504 (996) г.[12]; 3) сообщение о намерении Владимира пойти в поход на непокорного сына Ярослава, не реализовавшемся вследствие его внезапной болезни; 4) сообщение о присутствии при Владимире Бориса, отправленного в поход на печенегов; 5) дата смерти Владимира[13]. Так как эти наблюдения, намеченные лишь в тезисной форме, не исчерпывают всего содержания указанных летописных статей, мы рассмотрим их основные структурные компоненты и в заключение попытаемся дать целостную текстологическую реконструкцию летописного рассказа на базе летописных статей 1014–1016 (6522–6524) г. по Лаврентьевскому списку ПВЛ.

Как говорилось выше, рассматриваемый комплекс статей открывает рассказ о конфликте Владимира с Ярославом: «В лѣто 6522. Ꙗрославу же сущю Новѣгородѣ и оурокомь дающю Кыєву двѣ тысѧчѣ гривнѣ ѿ года до года, а тысячю Новѣгородѣ гридемъ раздаваху, а тако даꙗаху [вси] посадници новъгородьстии, а Ꙗрославъ сего не даꙗше [к Кыєвꙋ] ѡцу своєму. И рече Володимеръ: «требите путь и мостите мостъ»,— хотѧшеть бо на Ꙗрослава ити, на сна своѥго, но разболѣсѧ». Этот сюжет продолжен в начале следующей статьи: «В лѣто 6523. Хотѧщю Володимеру ити на Ꙗрослава. Ꙗрославъ же, пославъ за море, приведе Варѧгы, боꙗсѧ ѡца своѥго. Но Бг не вдасть дьꙗволу радости. Володимеру бо разболѣвшюсѧ. В се же времѧ бѧше

[5] *Шахматов А. А.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах. С. 80–82, 317–319, 332–338.
[6] *Бугославский С. А.* Древнерусские литературные произведения о Борисе и Глебе. С. 223–224.
[7] *Толочко П. П.* Русские летописи и летописцы X–XIII вв. СПб., 2003. С. 64.
[8] *Соловьев С. М.* Сочинения: В 18 книгах. М., 1988. Кн. 2. С. 104, 319.
[9] *Левитский Н.* Важнейшие источники для определения времени крещения Владимира и Руси и их данные. С. 406–407.
[10] *Михеев С. М.* «Святополкъ же сѣде Кыевѣ по отци»: усобица 1015–1019 гг. в древнерусских и скандинавских источниках. М., 2009. С. 119–123.
[11] *Левитский Н.* Важнейшие источники для определения времени крещения Владимира и Руси и их данные. С. 407.
[12] Сходные соображения ранее были высказаны В. Я. Петрухиным (*Петрухин В. Я.* Ярослав Мудрый, Ярославичи и начальное летописание // Ярослав Мудрый и его эпоха. М., 2008. С. 168).
[13] *Михеев С. М.* «Святополкъ же сѣде Кыевѣ по отци»: усобица 1015–1019 гг. в древнерусских и скандинавских источниках. С. 120–121.

оу него Борисъ. Печенегом, идущем на Русь, посла противу имъ Бориса. Самъ бо болѧше вельми в неиже болести и скончѧся мсца иоулѧ въ 15 днь[14]. Оумре же на Берестовѣмъ и потаиша и́, бѣ бо Стополк Кыєвѣ. Ночью же межю [двема] клѣтми проимавше помост, ѡбертѣвше в коверъ и́, оужи съвѣсиша на землю, възложьше и́ на сани, везъше, поставиша и́ в стѣй Бци, юже бѣ създалъ самъ. Се же оувѣдѣвьше людье, бе-щисла снидошасѧ, и плакашасѧ по немь болѧре и акы заступника ихъ земли, оубозии акы заступника и кормителѧ. И вложиша и́ в корсту мороморѧну схраниша тѣло ѥго с плачемь, блжнаго кнѧзѧ»[15].

Далее в статье 1015 г. помещена похвала Владимиру как «новому Константину», начинающаяся словами: «Се єсть новыи Костѧнтинъ великого Рима, иже крстивъсѧ сам и люди своꙗ...»[16]. Следом за похвалой читается заголовок повести «Об убиении Борисове», но ее текстологические «швы» (верхний от слов: «Ѡвѧтополкъ же сѣде Кыевѣ по ѡци своемь, и съзва кыꙗны и нача даꙗти имъ имѣньє. Они же приимаху и не бѣ срдце ихъ с нимь, ꙗко братьꙗ ихъ бѣша с Борисомь»; нижний перед словами: «Ѡтополкъ же ѡканныи нача кнѧжити в Кыевѣ, созвавъ люди, нача даꙗти ѡвѣм корзна, а другым кунами и раздаꙗ множьство»)[17], отмеченные С. М. Соловьевым[18], как будет показано ниже, установлены искусственно.

Согласно текстологической реконструкции «Древнейшего Киевского свода» А. А. Шахматовым (на которую также обратил внимание С. М. Михеев), чтение: «Ѡтополкъ же ѡканныи нача кнѧжити в Кыевѣ, созвавъ люди, нача даꙗти ѡвѣм корзна, а другым кунами и раздаꙗа множьство», которое в силу своей подробности, очевидно, было первоначальным, оказалось оттеснено на второй план и подверглось модификации за счет определения «ѡканныи», связавшего его с предшествующими деяниями Святополка, описанными в повести «Об убиении»[19]. После этой фразы о «благотворительных акциях» Святополка в летописи должно следовать продолжение повествования о событиях в Новгороде, где говорится, что «Ꙗрославу же не вѣдущю ѡтьнѣ смрти»; его многочисленные варяжские наемники «насилье творѧху новгородцем и женамъ ихъ», поэтому восставшие новгородцы «избиша Варѧгы во дворѣ Поромони». Сегодня две части этого рассказа разорваны повестью «Об убиении» и следующими за ней дополнениями.

Если (в рамках концепции А. А. Шахматова) следовать гипотезе, связывающей появление хронологической канвы древнерусского летописания с «Печерским сводом 1073 г.», надо полагать, что инициатором включения повести в летопись под 1015 г., а может быть, и автором самого заголовка, был его составитель Никон, который, по мнению Д. С. Лихачева, подверг повесть идеологической правке[20]. В последнее время гипотеза о причастности к летописанию Никона и о существовании «Печерского свода 1073 г.» подвергается сомнению[21], хотя целый ряд соображений (появление в летописных статьях 60-х годов XI в. дневных дат, подробное описание киевских событий 1068–1069 г., междукняжеской войны 1078 г.) позволяет относить один из этапов летописания к концу 70-х годов XI в. Согласно альтернативной гипотезе А. А. Гиппиуса, разделение летописного текста по хронографическому принципу (в результате

[14] Дата смерти Владимира, возможно, была заимствована летописцем из «Памяти и похвалы князю русскому Владимиру», составленной Иаковом-мнихом (см. *Милютенко Н. И.* Святой равноапостольный князь Владимир и Крещение Руси. Древнейшие письменные источники. СПб., 2008. С. 426).

[15] ПСРЛ. М., 2001. Т. 1. Стб. 130–131.

[16] Там же. Стб. 131–132. Источником этой похвалы могли послужить «Слово о Законе и Благодати» Илариона (ср. *Молдован А. М.* «Слово о законе и благодати» Илариона. Киев, 1984. С. 96–97) или «Память и похвала князю русскому Владимиру» Иакова-мниха (ср. *Милютенко Н. И.* Святой равноапостольный князь Владимир и Крещение Руси. С. 421, 423), где князь Владимир уподобляется Константину Великому.

[17] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 132, 140.

[18] *Соловьев С. М.* Сочинения: В 18 книгах. Кн. 2. С. 104.

[19] *Шахматов А. А.* Древнейший Киевский свод 1039 г. в редакции 1073 г. // Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. С. 391.

[20] *Лихачев Д. С.* Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947. С. 90, 92.

[21] См.: *Петрухин В. Я.* Ярослав Мудрый, Ярославичи и начальное летописание. С. 175–179.

которого мог появиться этот заголовок) было осуществлено в 90-х годах XI в. в «Начальном своде»[22]. В любом случае, начало повести при включении ее в летопись было подвергнуто редактированию; мы затрудняемся сказать, как оно выглядело, но рассказ о Ярославе мог читаться примерно так: «Ꙗрославу же сущю Новѣгородѣ и оурокомь дающю Кыеву двѣ тысѧчѣ гривнѣ ѿ года до года, а тысячю Новѣгородѣ гридемъ раздаваху, а тако даꙗху вси посадници новъгородьстии, а Ꙗрославъ сего не даꙗше к Кыеву ꙋ ѡцу своєму. И рече Володимеръ: «требите путь и мостите мостъ»,— хотѧшеть бо на Ꙗрослава ити, на сна своѥго, но разболѣсѧ. Ꙗрославъ же, пославъ за море, приведе Варѧгы, боꙗсѧ ѡца своѥго. Но Бг не вдасть дьꙗволу радости. Володимеру бо разболѣвшюсѧ. Оумре же на Берестовѣмъ и потаиша и, бѣ бо Стополк Кыевѣ» и т.д., до слов: «...И вложиша и в корсту моморѧну схраниша тѣло ѥго с плачем», к которым позднее было добавлено: «блжнаго кнѧзѧ».

Лейтмотивом повествования, изложенного в статьях 1014, 1015, 1016 г., является противостояние правителей Новгорода и Киева. Повесть «Об убиении», существенно отличающаяся от него по своему содержанию, представляет насыщенную подробностями картину сговора Святополка со своими вышгородскими сторонниками («болярцами») во главе с Путшей, приход убийц в лагерь Бориса на Альту, предсмертную молитву князя (сконструированную из библейских цитат), убийство Бориса, о котором сообщается дважды[23]. В повести «Об убиении» рассказ об убийстве Бориса связан с рассказом об убийстве Глеба, которого Святополк вызвал в Киев, «с лестью посла къ Глѣбу, глѧ сице: «поиди вборзѣ, ѡць тѧ зоветь, не сдравить бо вельми». Однако недоумение вызывает не только маршрут Глеба («...И пришедшю єму на Волгу, на поли потчесѧ конь в рвѣ, и наломи ему ногу мало. И приде Смоленьску, и поиде ѿ Смоленьска, ꙗко зрѣемо, и ста на Смꙗдинѣ в насадѣ»)[24], но и то, что до своей гибели он успел получить предупреждение от Ярослава («В се же времѧ пришла бѣ вѣсть къ Ꙗрославу ѿ Передъславы ѡ ѡтни смрти, и посла Ꙗрославъ к Глѣбу, глѧ: «не ходи, ѡць ти оумерлъ, а братъ ти оубьєнъ ѿ Стополка»)[25].

Упоминание о послании Предславы читается не только в повести «Об убиении Борисове», но и в рассказе о расправе Ярослава с мятежными новгородскими «мужами», после которой «в ту же нощь приде єму вѣсть ис Кыева ѿ сестры ѥго Передъславы си: «ѡць ти оумерлъ, а Стополкъ сѣдить ти Киевѣ, оубивъ Бориса, а на Глѣба посла, а блюдися ѥго повелику»[26]. А. А. Шахматов, анализируя это противоречие, пришел к выводу о том, что оба сообщения являются вставкой, сделанной составителем «Начального свода» из утраченного «Жития Антония Печерского»[27]. Однако подобное впечатление возникает лишь в том случае, если воспринимать повесть «Об убиении Борисове» как часть статьи 1015 г. При признании ее автономности фраза: «В се же времѧ пришла бѣ вѣсть къ Ꙗрославу ѿ Передъславы ѡ ѡтни смрти, и посла Ꙗрославъ к

[22] *Гиппиус А. А.* Два начала Начальной летописи: к истории композиции Повести временных лет // Вереница литер. Сб. к 60-летию В. М. Живова. М., 2006. С. 74, 79.

[23] «...Бориса же оубивше, ѡканьнии, оувертѣвше в шатеръ, възложивше на кола, повезоша и, и еще дышющю ему. Оувѣдѣвше же се ѡканьный Святополкъ, ꙗко еще дышеть, посла два Варѧга прикончать ѥго. Ѡнѣма же пришедшема [и видѣвшема], ꙗко и еще живъ есть, единъ ею извлекъ мечь, пронъзе и къ срдцю» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 134). Как полагал А. А. Шахматов, в летописном тексте были соединены киевское и вышгородское предание о смерти Бориса (*Шахматов А. А.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах. С. 81). По мнению С. М. Михеева, он испытал влияние скандинавского «архетипа», общего для повести «Об убиении Борисове» и «Пряди об Эймунде», где сообщается об убийстве варягами русского конунга Бурицлава (*Михеев С. М.* «Святополкъ же сѣде Кыевѣ по отци»: усобица 1015–1019 гг. в древнерусских и скандинавских источниках. С. 212–254).

[24] Повесть «Об убиении» не сообщает местонахождение Глеба. Согласно «Чтению о житии и погублении Бориса и Глеба», он находился в Киеве, откуда бежал в «полунощныя страны». Вопрос о вероятном маршруте Глеба является предметом дискуссий (см. *Ранчин А. М.* Вертоград златословный. Древнерусская книжность в интерпретациях, разборах, комментариях. С. 312–314). П. В. Голубовский предполагал существование местного смоленского предания о Глебе (*Голубовский П. В.* История Смоленской земли до начала XV столетия. Киев, 1895. С. 246–248). По А. А. Шахматову два различных предания о Глебе были соединены в «Начальном своде» (*Шахматов А. А.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах. С. 70–73).

[25] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 135–136.

[26] Там же. Стб. 140–141.

[27] *Шахматов А. А.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах. С. 72, 76, 185–186.

Глѣбу, гл҃ѧ: «не ходи, ѡц҃ь ти оумерлъ, а братъ ти оубьєнъ ѿ Ст҃ополка» представляется вполне органичным компонентом. Сейчас эта фраза создает предпосылку для оплакивания Глебом отца и брата («Се слышавъ, Глѣбъ възпи вельми съ слезами, плачасѧ по ѡц҃и, паче же по братѣ…»), однако «плач» Глеба, также как молитва Бориса являющийся компиляцией из библейских цитат, вероятно, отсутствовал в первоначальном тексте повести и был результатом творчества летописца, использовавшего цитату из книги «Притчей» Соломона[28] и для осуждения «окаянных» убийц Бориса — Путши, Талеца, Еловита и Ляшко. Вероятно, после фразы, сообщающей о предостережении Ярослава Глебу, в повести «Об убиении…» говорилось о приходе убийц, посланных Святополком.

Что касается сообщения о послании Предславы в рассказе о распре Ярослава с новгородцами, то А. А. Шахматов допускал, что в первоначальном тексте читалось: «В ту же нощь приде ему вѣсть си», считая слова «ис Кыева от сестры его Передъславы» позднейшей вставкой[29]. Однако мы не исключаем, что в первоначальном тексте отсутствовало упоминание о Борисе и Глебе и известие это читалось так: «В ту же нощь приде ему вѣсть си ис Кыева ѿ сестры ѥго Передъславы: «ѡц҃ь ти оумерлъ, а Ст҃ополкъ сѣдить Киевѣ, блюдися ѥго повелику». Когда в летопись была включена повесть «Об убиении Борисове» оно, очевидно, подверглось переработке, вследствие чего появилось упоминание Бориса и Глеба (указательная частица си при этом была перемещена) и, кроме того, добавлено, что Ярослав, «се слышавъ, печаленъ бы*сть* ѡ ѡц҃и, [и о братьи], и ѡ дружинѣ».

Следующий далее рассказ («Заоутра же собравъ избытокъ новгородець, Ꙗрославъ рече: «ѡ, люба моꙗ дружина, юже вчера избихъ, [а нн҃ѣ быша надобе». Оутерлъ слезъ, и рече имъ] на вѣчи: «ѡц҃ь мои оумерлъ, а Ст҃ополкъ сѣди[ть] Кыєвѣ, избиваꙗ братью свою». И рѣша новгородци: «аще, кнꙗже, бра*т*ꙗ наша исѣчена суть, можемъ по тобѣ бороти». И поиде на Ст҃ополка, нарекъ Ба҃, рекъ: «не ꙗ почахъ избивати бра*т*ю, но ѡнъ; да будеть ѿместьникъ Бъ҃ крове бра*т*ꙗ моꙗ, зане без вины пролꙗ кровь Борисову и Глѣбову праведную, еда и мнѣ сице же створить. Но суди ми, Гси, по правдѣ, да скончается злоба грѣшнаго». И поиде на Ст҃ополъка. Слышавъ же Ст҃ополкъ идуща Ꙗрослава, пристрой бе-щисла вои, [Роу*си* и Печенѣгъ, и изы*де* противꙋ емоу к Любичю ѡб] ѡнъ полъ Днѣпра, а Ꙗросла*в*ъ ѡбъ сю»), также имеет следы позднейших дополнений.

Это, во-первых, речь Ярослава на вече, где упоминается об избиении братьев Святополком; во-вторых, указание на баснословное количество воинов Ярослава (правильно, очевидно, чтение Новгородской I летописи младшего извода: «И собра вои 4000: Варягъ бяшеть тысящу, а новгородцовъ 3000»)[30], за которым следует вставка из паримийных чтений Борису и Глебу (где указывается 6000 варяг и 30000 войнов), и поиде на Ст҃ополка, нарекъ Ба҃, рекъ: «не ꙗ почахъ избивати бра*т*ю, но ѡнъ»[31], по завершении которой повторяется фраза: «И поиде на Ст҃ополъка…». Исключая эти фрагменты, мы полагаем, что первоначальный текст читался следующим образом: «Заоутра же собравъ избытокъ новгородець, Ꙗрославъ рече: «ѡ, люба моꙗ дружина, юже вчера избихъ, [а нн҃ѣ быша надобе»]. И рѣша новгородци: «аще, кнꙗже, бра*т*ꙗ наша исѣчена суть, можемъ по тобѣ бороти». И събра Ꙗрославъ варѧгъ тысѧчю, а прочи*х* вои 3000, и поиде на Ст҃ополка. Слышавъ же Ст҃ополкъ идуща Ꙗрослава, пристрой бе-щисла вои, [Роу*си* и Печенѣгъ, и изы*де* противꙋ емоу к Любичю ѡб] ѡнъ полъ Днѣпра, а Ꙗросла*в*ъ ѡбъ сю».

[28] *Шахматов А. А.* Повесть временных лет и ее источники // ТОДРЛ. Т. 4. Л., 1940. С. 39–40.

[29] *Шахматов А. А.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах. С. 72. Исследователь также отметил, что вместо фразы «…а Святополкъ сѣдить ти Киевѣ, убивъ Бориса, а на Глеба посла», в Ипатьевском списке читается: «…а Святополкъ сѣдить Киевѣ, послав уби Бориса и Глѣба» (ср. ПСРЛ. М., 2001. Т. 2. Стб. 128), добавив, впрочем, что это чтение может быть позднейшим.

[30] ПСРЛ. М., 2000. Т. 3. С. 175.

[31] Ср. *Абрамович Д. И.* Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им. Памятники древнерусской литературы. Вып. 2. Пг., 1916. С. 118.

Продолжение рассказа читается в статье 1016 г. («В лѣто 6524»), позднее озаглавленной «Начало княженїꙗ Ꙗрославлѧ Кыєвѣ», однако, начало статьи («Приде Ꙗрославъ и сташа противу ѡ полъ Днѣпра...») повторяет информацию, содержавшуюся под 1015 г. По мнению С. М. Соловьева, это чтение было первоначальным, а дублировка возникла, когда конец статьи 1015 г. был дополнен новгородским известием (от слов: «И поиде на Святополъка»)[32]. По мнению Н. Г. Бережкова, которое он высказал, опираясь на предложенную Шахматовым реконструкцию текста «Древнейшего Киевского свода»[33], за словами: «изыде противу ему к Любичю об онъ полъ Днѣпра, а Ярославъ объ сю» в первоначальном тексте читалось «...и не смяху ни си онѣхъ, ни они сихъ начата, и стояща мѣсяцѣ 3 противу собе» и т. д. (вероятно до слов: «Сто҃полкъ же бѣжа в Ляхы, Ꙗрославъ же сѣде Кыєвѣ на столѣ отьни и дѣдни»)[34].

Гипотеза Н. Г. Бережкова о соотношении летописных статей 1015–1016 гг. вступила в противоречие с одной из гипотез А. А. Шахматова, считавшего, что сборы Ярослава в поход на Киев заняли несколько месяцев и битва у Любеча состоялась в 1016 г.[35], тогда как Бережков, опираясь на упомянутое текстологическое наблюдение, предложил перенести ее из 1016 в 1015 г. Аналогичные соображения были высказаны Н. Н. Ильиным[36] и поддержаны А. С. Хорошевым и частично – В. Д. Королюком[37]. А. В. Назаренко, осуществивший сопоставление хронологии летописного рассказа и хроники Титмара Мерзебургского, напротив, высказался в пользу шахматовской датировки[38]. Учитывая искусственно установленную хронологию летописных статей 1014–1016 г., вопрос о дате Любечской битвы, на наш взгляд, следует пока оставить открытым, поскольку с текстологической точки зрения гипотеза Н. Г. Бережкова представляется вполне приемлемой, если предположить, что текст первоначально не имел разбивки по годам. Упомянутая Н. Г. Бережковым вставка является отнюдь не единственным дополнением в статье 1016 г.; к их числу относится также заключительная фраза: «И бы тогда Ꙗрославъ Новѣгородѣ лѣт 28»[39], помещенная после сообщения о вокняжении Ярослава.

Летописную заметку под 6525 (1017) г.: «Ꙗрославъ идє [в Киевъ] и погорѣ цр҃кви» (в Лаврентьевском списке этот фрагмент дефектен и нуждается в конъектуре, тогда как Ипатьевском представлен в более полном, но грамматически модифицированном виде: «Ꙗрославъ ввоиде в Кыєвъ и погорѣша цр҃кви»)[40], вероятно, также следует считать вставкой, так как информация из этой статьи вступает в противоречие с вышеупомянутым сообщением о вокняжении Ярослава в Киеве и текстологически вряд ли может быть согласована с рассматриваемым текстом.

[32] *Соловьев С. М.* Сочинения: В 18 книгах. Кн. 2. С. 105.

[33] См.: *Шахматов А. А.* Древнейший Киевский свод 1039 г. С. 396.

[34] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 146; *Бережков Н. Г.* Хронология русского летописания. М., 1963. С. 225. Ср. Святые князья-мученики Борис и Глеб. С. 227. Другая версия этого рассказа читается в Новгородской I летописи младшего извода (ПСРЛ. Т. 3. С. 174–175).

[35] *Шахматов А. А.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах. С. 335–336.

[36] *Ильин Н. Н.* Летописная статья 6523 года (опыт анализа). С. 131–144.

[37] *Хорошев А. С.* Политическая история русской канонизации (XI–XVI вв.). С. 29; *Королюк В. Д.* Западные славяне и Киевская Русь в X–XI вв. М., 1964. С. 239.

[38] *Назаренко А. В.* О датировке Любечской битвы // Летописи и хроники, 1984. М., 1984. С. 13–19; *Его же.* Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII вв. М., 2001. С. 454–462.

[39] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 142. Слово «Новѣгородѣ», отсутствующее в других списках, вероятно, является дополнением Лаврентия; первоначально, скорее всего, имелась ввиду не длительность новгородского княжения Ярослава, а его возраст в 1016 (6524) г., который, однако, вступает в противоречие как с летописной статьей 1054 (6562) г., так и с действительным возрастом князя. Как свидетельствуют анатомические исследования останков Ярослава, его возраст, указанный в статье 1054 г. («Живе же всѣх лѣт 70 и 6»), был завышен и в действительности не превышал 70 лет (см.: *Карпов А. Ю.* Ярослав Мудрый. М., 2001. С. 14–16; *Толочко П. П.* О происхождении Ярослава Мудрого // Ярослав Мудрый и его эпоха. С. 8–14).

[40] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 142; Т. 2. Стб. 130. О пожаре в Киеве в 1017 г., в результате которого сгорел храм св. Софии, писал в 1018 г. и Титмар Мерзебургский (Thietmari chronicon a 919–1018 // Monumenta Germaniae Historica. Scriptories rerum Germanicarum. T. III. Hannover, 1839. S. 870). Информацию Титмара косвенно подтверждают летописные статьи 1017 (6525) г., сообщающие о закладке св. Софии, в Синодальном списке Новгородской I летописи (ПСРЛ. Т. 3. С. 15) и Софийской I летописи (ПСРЛ. М., 2000. Т. 6. Стб. 129. Подробнее см.: *Назаренко А. В.* Древняя Русь на международных путях. С. 471–476).

Эти дополнения отделяют основной текст от его логического продолжения, помещенного в ПВЛ под 6526 (1018) г., где рассказывается о приходе на Русь Святополка и Болеслава I[41]. Однако эта статья не может быть полностью отнесена к первоначальному летописному рассказу, так как, во-первых, в ней присутствуют нехарактерные для предшествующего текста следы негативного отношения автора к потерпевшему поражение на Буге Ярославу, а во-вторых, согласно мнению Д. И. Иловайского и А. А. Шахматова, статья 1018 г., повествующая об избиении поляков, возможно, испытала влияние статьи 1069 г., рассказывающей об аналогичном событии при Изяславе Ярославиче[42]. Вполне удовлетворительная реконструкция ее первоначального текста была недавно предложена С. М. Михеевым, к которой мы и отсылаем читателя[43]. Статья 1019 (6527) г. о сражении Ярослава со Святополком на Альте, которую некоторые исследователи считают позднейшей вставкой[44], требует отдельного сопоставления, учитывающего ее связь с соответствующим фрагментом паримийных чтений Борису и Глебу[45].

Обобщая изложенные выше соображения, необходимо признать, что первоначальный вариант рассказа о событиях 1014–1016 гг. представлял единый монотематический сюжет, который стал составной частью одного из древнейших летописных сводов, предшествовавших ПВЛ[46], и позднее был расширен за счет различных вставок (повесть «Об убиении Борисове», похвала Владимиру как «новому Константину», паримийные чтения Борису и Глебу)[47]. Что касается текстологических границ в статье 1015 г., между которыми помещена повесть «Об убиении Борисове», то следует предположить, что изначально она заканчивалась упоминанием о погребении Глеба: «Глѣбу же оубьену бывшю и повержену на брезѣ межи двема колодама, посемь же вземше везоша и́, и положиша и҆́ оу брата своего Бориса оу цр҃кве ст҃а Василїа»[48].

На чем же могла основываться эта повесть?

Вероятно, ее основой могли стать так называемые вышгородские церковные записки, которые, как предположил в 1900 г. П. В. Голубовский[49], послужили общим источником для «Сказания о Борисе и Глебе», «Чтения о житии и погублении Бориса и Глеба», а возможно, и летописного рассказа (т. е. повести «Об убиении»)[50]. А. А. Шахматов и А. Н. Насонов,

[41] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 142–143.

[42] *Иловайский Д.* Разыскания о начале Руси. Вместо введения в русскую историю. М., 1876. С. 415; *Шахматов А. А.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах. С. 296–297.

[43] *Михеев С. М.* «Святополкъ же сѣде Кыевѣ по отци»: усобица 1015–1019 гг. в древнерусских и скандинавских источниках. С. 137–141.

[44] См.: *Ильин Н. Н.* Летописная статья 6523 года (опыт анализа). С. 148–155; *Петрухин В. Я.* Ярослав Мудрый, Ярославичи и начальное летописание. С. 171–172; *Михеев С. М.* «Святополкъ же сѣде Кыевѣ по отци»: усобица 1015–1019 гг. в древнерусских и скандинавских источниках. С. 124–134.

[45] Ср.: ПСРЛ. Т. 1. Стб. 144–146; *Абрамович Д. И.* Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им. Памятники древнерусской литературы. С. 120–121. Такое сопоставление было осуществлено П. В. Голубовским, высказавшимся за приоритет паримийного текста над летописным (*Голубовский П.* Служба свв. мученикам Борису и Глебу в Иваничской минее 1547–79 гг. // Чтения в историческом обществе Нестора-летописца. Кн. 14. Киев, 1900. С. 149–152), и Н. И. Милютенко, которая пришла к выводу о вторичности паримии по отношению к статье 1019 г. (Святые князья-мученики Борис и Глеб. С. 228–232).

[46] По предположению С. М. Михеева, этот рассказ входил в «Древнейшее летописное сказание» середины XI в. (*Михеев С. М.* «Святополкъ же сѣде Кыевѣ по отци»: усобица 1015–1019 гг. в древнерусских и скандинавских источниках. С. 149–150).

[47] С. М. Михеев, опираясь на гипотетическую реконструкцию этапов становления Борисоглебского культа, вслед за А. В. Назаренко (*Назаренко А. В.* Борис и Глеб. С. 45) датирует составление первоначального рассказа о Борисе и Глебе 1060–1070-ми годами, включение его в летописную традицию 1070–1080-ми годами (поскольку первое летописное упоминание о почитании Бориса и Глеба относится лишь к 1072 (6580) г.), внедрение «вставок поучительного характера» 90-ми годами XI в. (*Михеев С. М.* «Святополкъ же сѣде Кыевѣ по отци»: усобица 1015–1019 гг. в древнерусских и скандинавских источниках. С. 146–149).

[48] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 137.

[49] *Голубовский П.* Служба свв. мученикам Борису и Глебу в Иваничской минее 1547–79 гг. С. 128–130.

[50] Там же. С. 140. Очевидно, П. В. Голубовский имел в виду «Сказание чудес святых страстотерпцев Христовых Романа и Давыда», которое в большинстве редакций «Сказания о Борисе и Глебе» помещено вслед за ним. Н. Левитский, опираясь на классификацию списков, осуществленную митр. Макарием, высказал мнение о самостоятельности этого памятника. В XX в. это предположение было доказано С. А. Бугославским и А. В. Поппэ (см.: *Левитский Н.* Важнейшие источники для определения времени крещения Владимира и Руси и их данные. С. 400; *Бугославский С. А.* Текстология Древней Руси. Т. 2. С. 173–197; *Поппэ А.* О зарождении культа Бориса и Глеба и посвященных им произведениях. С. 21–24).

поддержавшие гипотезу Голубовского, полагали, что первоначальная их редакция рассказывала не только о посмертных чудесах Бориса и Глеба, но и об обстоятельствах их гибели[51]. Повесть «Об убиении» можно было бы отождествить с «агиографическим рассказом», являвшимся, по мнению Л. Мюллера, одним из первоисточников Борисоглебского цикла, наряду с гипотетической «светской сагой»[52]. Первоначальный вариант повести мог быть составлен в Вышгороде, который, согласно «Сказанию чудес», в середине XI столетия стал центром распространения Борисоглебского культа. Возможно, одна из ее копий позднее была положена в основу «Сказания о Борисе и Глебе», а другая включена в летописный рассказ о борьбе Ярослава со Святополком, который можно соотнести со «светской сагой» в концепции Л. Мюллера.

Повесть «Об убиении Борисове» являлась отнюдь не единственным дополнением этого рассказа; при включении в летопись к ней была присоединена похвала князьям-страстотерпцам, в которой они прославлялись как заступники Русской земли (как отметил П. В. Голубовский, содержание ее заимствовано из церковной службы Борису и Глебу)[53]. Позднее было добавлено известие об убийстве бежавшего в Венгрию древлянского князя Святослава («Стополкъ же сь, ѡканьныи и злыи, уби Стослава, пославъ в горѣ Оугорьстѣй, бѣжащю ѥму в Оугры...») и «рассуждение о князьях», осуждающее «высокоумные» помыслы Святополка («избью всю братью свою и приму власть русьскую един»). «Рассуждение», основанное на Книге пророка Исайи (Ис. 1:6; 3:1–4), было заимствовано из паримий Борису и Глебу, где оно читается в полном виде (ср. летописное: «...Аще бо каꙗ землѧ оуправитсѧ пред Бмъ, поставлѧеть ей цсрѧ или кнѧзѧ праведна, любѧща судъ и правду, и властелѧ оустраꙗет, и судью, правѧщаго судъ. Аще бо кнѧзи правьдиви бывають в земли, то многа ѿдаются согрешѣныꙗ [земли], аще ли зли и лукави бывають, то болше зло наводить Бъ на землю, понеже то глава ѥсть земли. Тако бо Исаꙗ рече: «согрѣшиша ѿ главы и до ногу, еже есть ѿ цсрѧ и до простыхъ людий». «Лютѣ бо граду тому, в нем же кнѧзь оунъ», любѧи вино пити съ гусльми и съ младыми свѣтнїкы. Сѧковыꙗ бо Бъ даѥть за грѣхы, а старыꙗ и мдрыꙗ ѿъиметь, ꙗкоже Исаиꙗ глеть: «ѿъиметь Гь ѿ Иерслма крѣпость и крѣпкаго исполина, и члвка храбра, и судью, и прорка, и смѣрена старца, [и дивна свѣтника, и моудра хытрѣца, разумьна послушлива]; поставлю оуношю кнѧзѧ имъ и ругателѧ ѡбладающа ими» и паримйное: «Аще убо кая земля оправдиться предъ Богомъ, поставляеть царя или князя ей любяща и судъ и правьду, и властеля устраяеть. Аще бо князи правдиви бывають в земли, то многа отдаються съгрѣшения; аще ли лукави бывають, то больше зло навъдить Богъ на землю ту, понеже глава то есть земли, — тако бо Исая рече: «съгрѣшиша отъ главы и до ногу, еже отъ цесаря до простыхъ люди». «Лютѣ и граду тому, в нѣмь же князь унъ», любяи вино пити с гусльми и съ младыми свѣтникы. Сяковыя бо Богъ даеть за грѣхы, а старыя и мудрыя отъиметь: отъятъ бо отъ насъ Богъ Володимира, а Святополка наведе грѣхъ ради нашихъ, якоже дрѣвле наведе на Иерусалим Антиоха.

Исая бо глаголетъ: «отьимить Господь от Иерусалима крѣпость и крѣпка исполина, и чѣловека храбра, и судию, и пророка, и дивна свѣтника, и смирѣна старца, и мудра хитрѣца, и разумна послушника; и поставлю уношу князя имъ, и ругатели обладаютъ ими»)[54].

[51] *Шахматов А. А.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах. С. 48, 319; *Насонов А. Н.* История русского летописания XI – начала XVIII века. Очерки и исследования. М., 1969. С. 46–47. По предположению Насонова, записи велись под руководством «градьника» Миронега, упоминаемого в «Сказании чудес».

[52] См.: *Müller L.* Studien zur altrussischen Legende der Heiligen Boris und Gleb // Zeitschrift für Slaviche Philologie. Bd. 23. Heidelberg, 1952.

[53] *Голубовский П.* Служба свв. мученикам Борису и Глебу в Иваничской минее 1547–79 гг. С. 146–149. Существуют две датировки церковной службы Борису и Глебу, составленной неким митрополитом Иоанном. В зависимости от того, атрибутируется ли служба Иоанну I или Иоанну II, она датируется либо первой половиной XI в., либо 80-ми годами XI в. Вопрос стоит в тесной связи с датой канонизации князей-мучеников, которая остается дискуссионной (см.: *Ранчин А. М.* Канонизация Бориса и Глеба // Ранчин А. М. Вертоград златословный. С. 86–97; *Ужанков А. Н.* О времени канонизации и написания житий святых Бориса и Глеба; *Его же.* Еще раз к вопросу о времени канонизации святых Бориса и Глеба и историографии их житий // Ужанков А. Н. Проблемы историографии и текстологии древнерусских памятников XI–XIII вв. М., 2009. С. 97–196).

[54] Ср.: ПСРЛ. Т. 1. Стб. 139–140; *Абрамович Д. И.* Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им. С. 119–120.

Существует несколько точек зрения на соотношение паримийных чтений с летописной традицией: гипотеза П. В. Голубовского[55] и следующего за ним Н. К. Никольского[56] отдает паримийным чтениям приоритет перед ПВЛ; гипотеза А. А. Шахматова предполагает, что паримии являются вторичным памятником, составленным на основе летописи[57]. При этом все они датируют появление паримий концом XI — началом XII в. Современные исследователи Л. С. Соболева, Н. Н. Невзорова, Н. И. Милютенко[58] считают, что протограф паримийных чтений сложился в княжение Ярослава Мудрого независимо от летописной традиции. Этот вопрос остается дискуссионным, ибо сегодняшний вид паримий и ПВЛ свидетельствует об их взаимном влиянии друг на друга.

Так, противопоставление мудрого старца и неразумного юноши, логично отождествляемое в паримийных чтениях с Владимиром и сменившим его Святополком, выглядит искусственным в летописи, где отсутствует раскрывающий его смысл сюжет из 1-й книги Маккавеев — сравнение Святополка с царем Антиохом Эпифаном, который, по мнению Н. И. Милютенко, был заимствован из хроники Георгия Амартола или гипотетического «Хронографа по великому изложению»[59]. С другой стороны, некоторые фрагменты чтений, в частности рассказ о распре Ярослава с новгородцами, двукратное упоминание о походе Ярослава на Святополка, свидетельствуют о влиянии на них летописной традиции[60]. Согласно гипотезе, предложенной Н. И. Милютенко, составитель паримийных чтений и летописец опирались на общий источник, который исследовательница условно называет «Повестью о борьбе Ярослава со Святополком»[61]. Однако даже если допустить возможность существования в прошлом подобного памятника, необходимо отметить, что «Повестью о борьбе Ярослава со Святополком» мог быть только рассказ, читающийся сегодня в ПВЛ под 1014—1016 и 1018 г.

Вопрос о соотношении сложного текстологического состава летописной статьи 1015 г. с различными этапами Начального летописания требует отдельного исследования, однако если отказаться от достаточно спорной гипотезы А. А. Шахматова о существовании «Древнейшего свода 1037—1039 гг.»[62], сохранив остальные звенья его концепции, можно предположить, что рассказ о борьбе Ярослава со Святополком читался в летописном своде, который ряд исследователей по-прежнему относят к 1070-м гг.[63], а до этого бытовал в виде отдельного монотематического сюжета. Повесть «Об убиении…», первоначально имевшая самостоятельный характер, могла войти в «свод 1090-х гг.» (по А. А. Шахматову — «Начальный свод»), вместе с похвалой князьям-страстотерпцам, а известие об убийстве Святослава Древлянского, вероятно, было взято в начале XII в. одним из составителей или редакторов ПВЛ из паримийных чтений вместе с «рассуждением о князьях»[64].

[55] *Голубовский П.* Служба свв. мученикам Борису и Глебу в Иваничской минее 1547—79 гг. С. 157—159.

[56] *Никольский Н. К.* Материалы для повременного списка русских писателей и их сочинений (X—XI вв.). СПб., 1906. С. 271.

[57] *Шахматов А. А.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах. С. 50—56.

[58] См.: *Соболева Л. С.* Исторические паремии Борису и Глебу — малоизученный памятник Киевской Руси. АКД. Новосибирск, 1981; *Невзорова Н. Н.* Паримии Борису и Глебу. Опыт прочтения // ТОДРЛ. СПб., 2004. Т. 56. С. 428—450; Святые князья-мученики Борис и Глеб. С. 212—248.

[59] Святые князья-мученики Борис и Глеб. С. 219.

[60] Там же. С. 217, 226—228.

[61] Там же. С. 235.

[62] Альтернативные гипотезы о существовании «Сказания о первоначальном распространении христианства на Руси» (*Лихачев Д. С.* Русские летописи и их культурно-историческое значение. С. 62—76) или «своде 996 г.» (*Черепнин Л. В.* «Повесть временных лет», ее редакции и предшествовавшие ей летописные своды // Исторические записки. Т. 25. М., 1948. С. 331—333) в последнее время также подвергаются сомнению (см.: *Баловнев Д. А.* «Сказание о первоначальном распространении христианства на Руси»: опыт критического анализа // Церковь в истории России. Сб. 4. М., 2000. С. 5—42; *Петрухин В. Я.* Ярослав Мудрый, Ярославичи и начальное летописание. С. 168). Что касается гипотезы К. Цукермана о летописном «Сказании», составленном в 1016 г. (см. *Цукерман К.* Наблюдения над сложением древнейших источников летописи // Борисоглебский сборник. Collectanea Borisoglebica. Вып. 1. Paris, 2009), то она нуждается в критической проверке.

[63] См.: *Алешковский М. Х.* Повесть временных лет (Судьба литературного произведения в Древней Руси). М., 1971. С. 70—71; *Зиборов В. К.* О летописи Нестора (Основной летописный свод в русском летописании XI века). СПб., 1995. С. 152—156; *Толочко П. П.* Русские летописи и летописцы X—XIII вв. С. 46—47.

[64] *Парамонова М. Ю.* Святые правители Латинской Европы и Древней Руси: Сравнительный анализ Вацлавского и Борисоглебского культов. М., 2003. С. 350, 351; Святые князья-мученики Борис и Глеб. С. 224, 228.

ПРИЛОЖЕНИЕ:

Реконструкция первоначального летописного рассказа о Ярославе и Святополке по Лаврентьевской летописи (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 130–131, 140–142).

	Первоначальный текст	**Дополнения**
1.	Ꙗрославу же сущю Новѣгородѣ и оурокомь дающю Кыєву двѣ тысѧчѣ гривнѣ ѿ года до года, а тысячю Новѣгородѣ гридемъ раздаваху, а тако даꙗху [вси] посадници новъгородьстии, а Ꙗрославъ сего не даꙗше [к Кыєвꙋ] ѡцу своєму. И рече Володимеръ: «требите путь и мостите мостъ»,— хотѧшеть бо на Ꙗрослава ити, на сна своѥго, но разболѣсѧ.	
2.	Ꙗрославъ же, пославъ за море, приведе Варѧгы, боꙗсѧ ѡца своѥго. Но Бг не вдасть дьꙗволу радости. Володимеру бо разболѣвшюсѧ.	Хотѧщю Володимеру ити на Ꙗрослава. В се же времѧ бѧше оу него Борисъ. Печенегом, идущем на Русь, посла противу имъ Бориса. Самъ бо болѧше вельми в неиже болести и скончѧся мсца иоулѧ въ 15 днь.
3.	Оумре же на Берестовѣмъ и потаиша и́, бѣ бо Стополк Кыєвѣ. Ночью же межю [двема] клѣтми проимавше помост, ѡбертѣвше в коверъ и́, оужи съвѣсиша на землю, възложьше и́ на сани, везъше, поставиша и́ в стѣй Бци, юже бѣ създалъ самъ.	
4.	Се же оувѣдѣвьше людье, бе-щисла снидошасѧ, и плакашасѧ по немь болѧре и акы заступника ихъ земли, оубозии акы заступника и кормителѧ. И вложиша и́ в корсту мороморѧну схраниша тѣло ѥго с плачемь.	блжнаго кнѧзѧ [Похвала Владимиру как новому Константину]
5.	Стополкъ же нача кнѧжити в Кыевѣ, созвавъ люди, нача даꙗти ѡвѣм корзна, а другым кунами и раздаꙗ множьство.	[Повесть «Об убиении Борисове», похвала Борису и Глебу, известие о гибели Святослава Древлянского, «рассуждение о князьях» из паримийных чтений].

6.	Ꙗрославу же не вѣдущю ѡтьнѣ смрти. Варѧзи бѧху мнози оу Ꙗрослава и насилье творѧху новгородцѥ*м* и женамъ ихъ. Вставше новгородци, избиша Варѧгы во дворѣ Поромони.	
7.	И разгнѣвасѧ Ꙗрославъ, и шедъ на Рокомъ, сѣде въ дворѣ, пославъ к новгородцемъ рече: «оуже мнѣ сихъ не крѣсити». И позва к собе нарочитыѣ мужи, иже бѧху иссѣкли Варѧгы, [и] обольстивъ и́, исѣче.	
8.	В ту же нощь приде ѥму вѣсть си ис Кыева ѿ сестры ѥго Передъславы: «ѡцѣ ти оумерлъ, а Стополкъ сѣдить Киевѣ, блюдися ѥго повелику».	оубивъ Бориса, а на Глѣба посла, а… Ꙗрославъ се слышавъ, печаленъ бы*сть* ѡ ѡци, [и о братьи], и ѡ дружинѣ.
9.	Заоутра же собравъ избытокъ новгородець, Ꙗрославъ рече: «ѡ, люба моꙗ дружина, юже вчера избихъ, [а нне быша надобе»]. И рѣша новгородци: «аще, кнꙗже, брат*ꙗ* наша исѣчена суть, можемъ по тобѣ бороти». И събра Ꙗрославъ варѧгъ тысѧчю, а прочих вои 3 000, и поиде на Стополка.	Оутерлъ слезъ, и рече имъ на вѣчи: «ѡцѣ мои оумерлъ, а Стополкъ сѣди[ть] Кыѥвѣ, избиваꙗ братью свою». [Молитва из паримийных чтений]
10.	Слышавъ же Стополкъ идуща Ꙗрослава, пристрой бе-щисла вои, Роус*и* и Печенѣгъ, и изыде противꙋ ѥмоу к Любичю ѡб ѡнъ полъ Днѣпра, а Ꙗрослав*ъ* ѡбъ сю	
11.	…и не смꙗху ни си ѡнѣхъ, ни они сихъ начати, и стояща мѣсяцѣ 3 противу собе. И воевода нача Стополчь ѣздѧ възлѣ берегъ, оукарѧти Новгородцѣ, гля: «что придосте с хромьцемь симь, ѡ вы, плотници суще? А приставимъ вы хоромовѣ рубити нашихъ». Се слыш*а*вше Новгородци, рѣша Ꙗрославу ꙗко «заоутра перевеземъсѧ на нѧ; аще кто не поидеть с нами, сами потнемъ [его]».	Приде Ꙗрославъ и сташа противу ѡ полъ Днѣпра…
12.	Бѣ бо оуже в заморозъ. Стополкъ стоꙗше межи двѣма ѡзерома, и всю нощь пилъ бѣ с дружиною своѥю. Ꙗрослав же заоутра, исполчивъ дружину свою, противу свѣту перевезесѧ и высѣдъ на брегъ, ѿринуша лодьѣ ѿ берега, и поидоша противу собѣ, и сступишасѧ на мѣстѣ.	

13.	Бы*стъ* сѣча зла, и не бѣ лзѣ ѡзеромь Печенегомъ помагати, и притиснуша Сто҃полка с дружиною къ ѡзеру, и въступиша на ледъ, и обломисѧ с ними ледъ, и ѡдалати нача Ꙗрославъ. [Видѣв же Сто҃полкъ и побеже, и одолѣ Ꙗрослав]. Сто҃полкъ же бѣжа в Ляхы, Ꙗрославъ же сѣде Кыєвѣ на столѣ ѡтьни и дѣдни.	И бы тогда Ꙗрославъ лѣт 28.